

Бурыкин Алексей Алексеевич

**Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Шарина Сардана Ивановна

**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
г. Якутск, Российская Федерация
sarshar@mail.ru**

Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках

Аннотация

В статье рассматривается реконструкция архетипа количественных числительных, словообразование разрядов числительных в тунгусо-маньчжурских языках. На основе имеющихся данных по языкам анализируются 15 разрядов: количественные, порядковые, кратные, разделительные, распределительные, ограничительные, собирательные, числительные для счёта дней, числительные для счёта животных, числительные для счёта хозяйств, числительные для счёта пальцев, числительные для счёта пар предметов, числительные для счёта мест и направлений, числительные для счёта разных предметов, числительные для счёта лет животного. Исследование показало, что определённые формы являются древними, но большая часть представляет собой более поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка. Словообразование числительных соотносится с формообразованием, хотя в ряде случаев меняются синтаксические функции производных, а иногда наблюдаются формы со сложной морфологической структурой, образующиеся не только от количественных числительных, но и от числительных других разрядов.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, словообразование, числительные, реконструкция архетипа, разряды числительных.

© Бурыкин А. А., Шарина С. И. 2021

Для цитирования: Бурыкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 52–68. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68.

1. Введение [Introduction]

В тунгусо-маньчжурских (далее – т.-ма.) языках представлена десятичная система числительных. Опыты сопоставления количественных числительных в т.-ма. языках представлены в работах В. Котвича [Котвич, 1962, с. 137–138], В. И. Цинциус [Цинциус, 1949, с. 274–275] и И. Бенцинга [Benzing, 1955, с. 101–107], тем не менее открывается возможность ещё раз рассмотреть системы количественных числительных по отдельным языкам и диалектам с привлечением некоторых новых материалов. Результаты реконструкции количественных числительных в целом дискуссионными не представляются. Можно ограничиться здесь лишь отдельными уточнениями частного характера.

Мы, предлагая свои сближения т.-ма. числительных с числительными монгольских и тюркских языков, не обсуждаем возможные расхождения с трактовкой алтайских числительных в фундаментальной работе В. Блажека [Blažek, 1999] с единственной целью – избежать конфронтации между сторонниками алтайской теории: в конце концов

разные этимологии каких-то лексических единиц обогащают исследовательскую практику, а не свидетельствуют о недостатках теории.

2. Числительных в тунгусо-маньчжурских языках [Numerals in Tungus-Manchu languages]

2.1. Количественные числительные [Cardinal numerals]

Архетип числительного «один» в виде *эмун* ~ *emün* [ССТМЯ, 1977, с. 270–272] предпочтительнее реконструкции праформы с лабиализованным гласным в анлауте (эвенские факты могли бы указывать на праформу *өмун* ~ *emün*), однако возникает предположение, что лабиализация начального гласного в этом и ряде подобных случаев – результат воздействия гласного у второго слога (в эвенском делабиализация закономерна и представляет собой очень позднее, характерное лишь для данного языка явление) [Дыбо, <https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf>]. Ср. корейск. *ёмчи* «большой палец» (первый палец).

Реконструкция праформы числительного «два» в виде *з̄өр* [ССТМЯ, 1975, с. 276–277] вполне приемлема, но должна считаться условной, так как долгие гласные в т.-ма.х языках, видимо, вторичны и восходят к каким-то дифтонгическим сочетаниям. Во всяком случае алтаисты и тунгусо-маньчжуроведы (А. В. Дыбо и А. А. Бурькин) пока в этом вопросе не смогли прийти к консенсусу. Вероятно, корень этого числительного присутствует в монг. *зирүян* 'шесть' (2x3) и предположительно в тюркском *jegirme* 'двадцать'.

Реконструкция праформы числительного «три» в виде *илан* [ССТМЯ, 1975, с. 305–306] не имеет явных параллелей в других алтайских языках. Можно допустить, что корень числительного *ил-* с заднерядным гласным связан с глаголом *ил-* 'вставать' поскольку конструкция из трёх жердей играет важную роль среди деталей жилища (ср. чешск. *stavít* 'строить'). Сближение этого числительного с юкагирским *йалон* 'три' не поддаётся надёжному объяснению.

В реконструкции архетипа числительного «четыре» в виде *дугин* ~ *ду(й)гин* [ССТМЯ, 1975, с. 204–205] остаётся неясной огласовка: соответствие северно-тунгусского и южно-тунгусского *у* указывает на исходное дифтонгическое сочетание (*y^u~y* [Цинциус, 1949, с. 89–92]), однако в южнотунгусских языках гласные *у* и *ө* совпали в рефлексе *у*. Внешние данные указывают на огласовку *ө*. Важно отметить, что в т.-ма.х языках сохранилась наиболее архаичная форма этого числительного, поскольку монг. *dö-rben* 'четыре' точно соответствует морфологически эвенк. *дыги-нмэн* 'состоящий из четырёх частей', а тюркское *tö-rt* 'четыре' точно соответствует эвенкийскому *дыгэ-рэгдэ*, эвенскому *дыгэ-рдэ* 'четвёрка' [Бурькин, 2015]. Внимание к морфологии алтайских языков позволило разобраться в этой головоломке. Налицо смешение разных разрядов числительных в становлении систем количественных числительных по отдельным группам алтайских языков.

Реконструкция архетипа числительного «пять» в виде *тунуан* [ССТМЯ, 1977, с. 214–215] показывает незакономерное соответствие северно-тунгусского *т* и маньчжурского с ср. ма. *сунза* 'пять', отмечаемое в единичных случаях [Цинциус, 1949, с. 184]. Восстановление в таких случаях особой прафонемы пока не находит поддержки, но и объяснения подобные факты пока тоже не находят. Это числительное правдоподобно сопоставляется с монг. *tabun* 'пять' с той же корреспонденцией в вокализме, что и т.-ма *бу* 'мы', *су* 'вы' и монг. *ба* 'мы' и *та* 'вы'.

Реконструкция праформы числительного «шесть» в виде *н'уун* [ССТМЯ, 1977, с. 647–648] осложняется не вполне закономерным варьированием гласных первого слога. Вероятно, архаическая огласовка сохранена в севернотунгусских языках, в южнотунгусских языках же переход *y < u* вызван положением после среднеязычного

n' (аналогичный переход гласных в *i* после архаического *n'*, изменившегося в *n*, предполагает Н. Н. Поппе для монгольских языков [Poppe, 1960, с. 70]).

Реконструкция числительного «семь» в виде *надан* [ССТМЯ, 1975, с. 576–577] не является сложной. Явные параллели к этой форме в других алтайских языках не усматриваются. Было высказано предположение, что при дивергенции форм числительных при счёте на пальцах эта форма может быть тождественной монг. *naiman* 'восемь' [Бурыкин, 1986]. Тюркский корень числительного «семь» *je-ti*, возможно, соотносится с т.-ма. формами.

Реконструкция числительного «восемь» в виде *закун* [ССТМЯ, 1975, с. 251–252] довольно очевидна. Сближение этой формы с монг. *dolugan* 'семь' при *dalin* 'семьдесят' не вполне надёжно, а привлечение сюда тюрк. *sekiz* 'восемь' при решаемости морфологических проблем оставляет вопрос о причинах перегласовки в какой-то группе языков.

Дискуссионными в отношении исходного лексического состава количественных числительных в т.-ма. языках являются два вопроса – числительные «девять» и «десять». Трудно решить вопрос о том, основательно ли объединение под одним архетипом форм типа эвенк. *jэун* и эвен. *ујун*. Фонетические соответствия этих форм в таких близкородственных языках, как эвенский и эвенкийский, в данном случае не закономерны. Тем не менее И. Бенцинг предполагает единство происхождения этих форм из одной праформы *xüjegün* [Benzing, 1955, с. 101]. Однако как несоответствие указанных форм друг другу, так и внешние корреспонденции говорят о том, что скорее всего перед нами разные лексические единицы.

В отношении числительного «десять» В. Котвичем высказано мнение о том, что в т.-ма. языках представлены две разные лексемы – общее для всех языков *зāн~зуан* и эвенское *миан*, из которых первое сам В. Котвич считал монгольским заимствованием, а второе – исконным древним т.-ма. названием числительного «десять» [Kotwicz, 1931, с. 180]. Имеются серьёзные основания полагать, что эвен. *миан* 'десять' является позднейшим фонетическим вариантом общетунгусо-маньчжурского *зāн* 'десять'. Во-первых, имеется ещё по крайней мере один пример на соответствие эвенк. *j~з* эвен. м: эвенк. *jōn=~зōn* 'удивляться' – эвен. *миан*= 'удивляться' (в [ССТМЯ] даны различными статьями без перекрёстных отсылок). Во-вторых, названия десятков в эвенском языке включают в себя компонент *миар* 'десятки' – форму множественного числа от *миан* 'десять' – как вторую часть сложных слов, в то время как в других т.-ма. языках названия десятков представляют собой словосочетания, компоненты которых по крайней мере фонетически независимы друг от друга (грамматическая цельность этих словосочетаний требует специальной проверки). Фонетический переход *зāн>миан* мог иметь в качестве исходной точки позицию в словосочетаниях типа *илан мяр* 'тридцать', *дыгэн мер* 'сорок' (ср. эвенк. *илан зār* 'тридцать', эвенк. *дигин зār* 'сорок').

С точки зрения морфологической структуры все т.-ма. количественные числительные, кроме числительного «два», являются непроизводными. Относительно числительного «два» В. И. Цинциус совершенно справедливо утверждала, что данная форма является старой формой множественного числа с суффиксом *-р* (закономерной архаической формой множественного числа для именных основ с конечным *-н*) [Цинциус, 1949, с. 305]. Во всех т.-ма. языках числительное «два» склоняется по тому же типу, по которому склоняются имена в форме множественного числа.

Конечное *-н*, отмечающееся во всех числительных, кроме числительного *два*, вероятно, представляет собой суффиксальный элемент, вычлняемый при сопоставлении количественных числительных с числительными других разрядов. Собственно говоря, в современной т.-ма. морфологии это показатель количественных числительных. Можно полагать, что исторически суффикс *-н* в количественных числительных тождественен суффиксу *-н*, с помощью которого во всех т.-ма. языках образуются производные имена

существительные от глаголов и других частей речи. Функционирование отнумеративных существительных в качестве количественных числительных представляется возможным допустить исходя из наблюдений над некоторыми разрядами числительных (см. ниже).

2.2. Порядковые числительные [Ordinal numerals]

Порядковые числительные в т.-ма. языках оказываются весьма интересными в отношении состава форм по отдельным языкам и их истории. Едва ли не в каждом языке существует более чем одна форма для выражения порядковых числительных. Единый для т.-ма. языков показатель порядковых числительных – это суффикс *-gi/-u* в сочетании с притяжательными суффиксами (или без них, что, однако, встречается редко). Примеры: числительное «третий» – эвенк. *ил-и*, эвен. *и-ли-тан*, нег. *и-ли*, ороч. *илаји~илэди*, уд. *илисе-ти*, ульч. *илиј*, орок. *илле~илли*, нан. *илиачиа*, *илача* К-У, *илачи* БК, ма. *ила-чи*. Насколько можно судить, формы чжурчженских порядковых числительных не отличались от форм количественных числительных.

В этих числительных реализуется та же модель, что и в порядковых числительных тюркских языков, где перед показателем числительного стоит притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. типа *bir-in-ci* 'первый'.

Помимо рассмотренных форм с суффиксом *-gi/-u* в отдельных языках имеются также и другие формы порядковых числительных. Например, числительное «третий» в эвенкийском: *или-вукта* ТК, Члм, *или-пти* П-Т, Е, И (западные говоры), *или-тку* В-Л, *илат-тку* Тмт. Первые две формы из приведённого списка, возможно, представляют собой диалектные фонетические варианты одной и той же формы. В составе суффикса *-вугда/-вукта* можно, видимо, выделить две части: *-в(у)* и *-гда/-кта*, первая из которых соотносима с суффиксом *-в*, образующим глаголы от числительных, вторая – как суффикс прилагательных (ср. эвен. *ясалагда* 'большеглазый', *илив* = 'делать что-либо в третий раз').

Видимо, адъективной по происхождению является и форма *ила-пти* 'третий'. Суффикс *-пти* выделяется и в эвенском *зүйпти* 'двойной, повторный', стоящем уже вне системы числительных. Формы *илитку* и *илатку* представляют собой морфологические варианты, различающиеся тем, что первая образована с помощью суффикса *-тку* от основы порядкового числительного, уже встречавшейся нам, а форма *илат-тку* – от основы количественного числительного.

Бросается в глаза резкое отличие солонских порядковых числительных от севернотунгусских. Н. Н. Поппе отмечает: «Своих форм порядковых наблюдать не приходилось» [Поппе, 1931, с. 108], однако новые словари солонского языка дают формы *иласки*, *илас* 'третий', *дегиски*, *дегиси* 'четвёртый' и им подобные. Однако у Н. Н. Поппе образования типа *zutci*, *илачи* переводятся как 'двухлетний, трёхлетний', хотя материальная их общность с маньчжурскими суффиксом порядковых числительных *-чи* отмечена [Поппе, 1931, с. 108]. Возможно, Поппе прав, говоря о том, что в солонском эти формы заимствованы из маньчжурского.

В эвенских диалектах отмечена форма порядковых числительных с суффиксом *-ис*: *илис* 'третий', *дыгис* 'четвёртый' и т. п. [Роббек, 1989, с. 100]. Распространена она в говорах эвенов, живущих на территории Якутии вне зависимости от принадлежности говора к той или иной группе. Так, она отмечена в говоре эвенов Березовки, относящемся к восточному наречию, в улахан-чистайском говоре, относящемся к среднему наречию и во всех описанных говорах западного наречия.

Относительно её происхождения могут быть выдвинуты две гипотезы:

1. Суффикс *-ис* представляет собой якутское заимствование и точно соответствует общетюркскому *-исъ*, как это показано в специальной работе [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 186].

2. Суффикс *-ис* оказывается омертвевшей формой притяжательного суффикса 2 л. ед. ч. *-с* в сочетании с суффиксом порядковых числительных *-и/-ги*. Аналогичную тенденцию к омертвлению обнаруживает в эвенских порядковых числительных притяжательный суффикс 3 л. мн. ч. *-тан/-тэн*, поскольку в устной речи формы 1 и 2 л. встречаются намного реже, нежели форма 3 л. ед. ч. Здесь же отметим, что в эвенском языке формы типа *или-в(у)* 'третий мой', *или-сан* 'третий ваш' и т. п. употребляются только в случае эллипсиса существительного, в противном случае используется конструкция типа *мин хурэлбу илитан* 'третий из моих детей'.

Формы, соотносительные с орооч. *илаэги-*, уд. *илеэ-ти* 'третий', орок. *хујеңчи* 'девятый', нан. *илиачиа, илача, илачи* 'третий', ма. *илачи* 'третий', вероятно, представляют собой лексикализованную форму 3 л. мн. ч., поскольку в большинстве языков она точно соответствует форме притяжательного суффикса 3 л. мн. ч. Сохранение основы порядковых числительных с суффиксом *-и* можно видеть в нанайских формах с дифтонгоидным гласным.

Любопытное новообразование в области порядковых числительных появилось в ороочском языке. Для обозначения статей обычного права орочей используются не общепотребительные формы порядковых числительных, а формы *илāма* 'третья статья обычного права', *надама* 'седьмая статья обычного права'. Инновации среди порядковых числительных отмечаются также в ульчском, нанайском, маньчжурском языках. В ульчском и нанайском языках это осложнение основ порядковых числительных суффиксами с уточняющим значением: ульч. *дуидумэ* 'четвёртый', употребительное параллельно с *дуиј* 'четвёртый', в нанайском формы типа *ишиадима* 'третий' (с утратой производящей основы). В маньчжурском языке параллельно с формой типа *илачи* 'третий' употребляется форма *илачиңгэ* 'третий', осложнённая адъективным суффиксом. В сибирском диалекте (во всяком случае в его современной форме) подобные образования не отмечены, в нём порядковые числительные образуются только посредством суффикса *-чи*: *эмучи* 'первый', *зучи* 'второй', *илачи* 'третий'. Формы порядковых числительных, зафиксированные в нанайских диалектах, видимо, различаются по происхождению. Кур-урмийские формы *-чан/-чэн, -чан/чэн* [Суник 1958 а, с. 83] едва ли выводимы из формы 3 л. мн. ч. *-чи* (в самом кур-урмийском диалекте *-ти* вместо *-чи* [Суник, 1958 а, с. 66]). В языке зарубежных нанайцев-хэчжэ порядковые числительные оформлены суффиксом *-тин*: *зутин* 'второй', *сунзатин* 'пятый', *зуатин* 'десятый' [Суник, 1958 б, с. 43], что также не имеет общего с притяжательным суффиксом 3 л. мн. ч. в самом языке хэчжэ. Для обоих чисел 3 л. притяжательный суффикс имеет форму *-ни* [Суник, 1958 б, с. 37]. Суффикс *-тин* появился, очевидно, под влиянием эвенкийского языка, которое испытали на себе верхнеамурские нанайцы, живущие на территории России.

Таким образом, если верна гипотеза относительно того, что все варианты суффикса *-чи* в т.-ма. порядковых числительных являются омертвевшими посессивными показателями 3 л. мн. ч., то отпадают внешние сопоставления этого суффикса, предполагавшиеся ранее.

2.3. Кратные числительные [Multiple numerals]

Кратные числительные, обычно обозначающие количество единичных актов совершения какого-либо действия, в т.-ма. языках являются наиболее широко употребительными по сравнению с числительными других разрядов, и, хотя последние сохраняли субстантивность, в то время как данный разряд числительных примыкает к наречиям, их представляется более удобным поставить сразу же после порядковых числительных. Немаловажно и то, что данный разряд числительных имеет почти единооб-

разное оформление во многих языках. Примеры: эвенк. *иларā* 'три раза', *дигрэ* 'четыре раза'; сол. *иларā* 'три раза', *дыгирэ* 'четыре раза'; эвен. *илракан* 'три раза', *дыгрэкэн* 'четыре раза'; нег. *илаја*, *илајахāн* 'три раза', *диүијэ~диүјэ*, *диүјэхэн* 'четыре раза'; ороч. *занпуја* 'восемь раз', *хујүјэ* 'девять раз'; ульч. *закпура* 'восемь раз', *хујүрэ* 'девять раз'; орок. *закпулта~занпулта*, *закпура* 'восемь раз', *хујүлтэ*, *хујүрэ* 'девять раз'.

В эвенском языке исходная форма кратных числительных имеет морфологические варианты *-ракая* и *-ракан*, различающиеся части идентифицируются соответственно с увеличительным и уменьшительным суффиксами [Цинциус, 1947, с. 126], хотя это противопоставление по смыслу у данных числительных не усматривается. Аналогичный вариант с уменьшительным суффиксом без дополнительных оттенков значения отмечен в негидальском языке: *илајахāн* 'три раза'. Соответствующая эвенкийская форма имеет дополнительный оттенок иларакāн 'только три раза' и может в принципе квалифицироваться как особый разряд ограничительно-кратных числительных.

Другие формы кратных числительных, например, сол. *тоңа дахи* 'пять раз', не обнаруживают близких параллелей в т.-ма. языках. Ближайшим материально параллельно является монгольский и бурятский суффикс *дахь~дахи* (п.мо. *-daki*), оформляющий порядковые числительные. Возможно, развитие протекало следующим путём: порядковые числительные, например, «пятый» > числительные, обозначающие порядковый номер многократного действия, «в пятый раз» > кратные числительные, «пять раз». В солонском языке имеется ещё одна форма кратных числительных с суффиксом *-сујэ*: *јэгисујэ* 'девять раз'. Н. Н. Поппе отмечает, что этот же суффикс в солонском языке служит для оформления имён уподобления: *илгисујэ* 'словно угольный жар' [Поппе, 1931, с. 108]. Возможно, что кратные числительные с этим суффиксом первоначально имели значение приблизительного счёта – 'примерно столько-то раз'. Негидальские кратные числительные с суффиксом *-ла* типа *диүилэ* 'четыре раза', *занпула* 'восемь раз' сходны с числительными для счёта дней, которые в данном языке имеют такой же показатель *-ла / -лэ*. Ср. также орокский *ила-лта* 'три раза, три дня'. В других т.-ма. языках данные формы не зафиксированы.

Удэгейские кратные числительные с показателем *-лэ^h а* типа *илалэ^h а* 'три раза' могут подводиться под общетунгусский показатель *-ра*.

Вторая разновидность общетунгусских кратных числительных, но имеющая явно более позднее происхождение, представлена в орочском *иламда*, *ила муда* 'три раза', *надамда*, *нада муда* 'семь раз', ульчском *илан мудан*, нанайском *илā модā* 'три раза', где показатель *мудан* восходит к самостоятельному слову. Любопытно отметить, что в орочском, где представлен аналогичный тип, существуют параллельные варианты этих числительных – суффиксальные и аналитические.

В маньчжурском языке кратные числительные также образуются посредством суффикса *-үгэри*: *илаүгэри* 'три раза', *сунзаүгэри* 'пять раз'. Явное новообразование: компонент *-үгэри* не изменяет огласовки. В сибирском диалекте маньчжурского языка кратные числительные оказываются составными – представляют собой сочетания количественных числительных с компонентом *ив*: *илан ив* 'три раза', *дijin ив* 'четыре раза', *сунза ив* 'пять раз'.

Завершая обзор кратных числительных в т.-ма. языках, необходимо отметить, что наиболее архаическим средством их образования является суффикс *-ра*. Суффикс *-ла~лта* < *-лтэ*, отмеченный в негидальском и орокском языках, можно также считать архаическим, если допустить, что он является тождественным одному из суффиксов собирательности *-лта*, отмеченному в специальной работе В. И. Цинциус [Цинциус, 1946], однако такое предположение было бы менее вероятным и потребовало бы более сложных обоснований.

2.4. Разделительные числительные [Dividing numerals]

Разделительными числительными в настоящей работе называются числительные, обозначающие на сколько частей делится тот или иной предмет при совершении действия. Наиболее общим способом образования числительных этого разряда является суффикс *-рман* в его соответствиях по отдельным языкам. Примеры: эвенкийский – *иланман* ~ *иларман*, *иланмар*, эвенский – *иларман*, негидальский – *иланман*, *иланманзи* 'на три части', орокский – *хујурмэн* 'на девять частей', эвенкийский – *зурмэнзи* 'на две части'. Единичные формы с компонентом *-зи*, осложняющим суффиксальные формы, очевидно, по происхождению являются застывшими формами творительного падежа от образований на *-рман*. То же самое можно сказать о форме эвенкийского *зурмэт* Урм. 'на две части' (*-т* – обычная для эвенкийского языка форма творительного падежа < общей на *-зи*). Этот разряд не отмечен в языке эвенков-орочононов в КНР и в солонском языке. Негидальская форма *зулнэккэн* 'на две части', видимо, может квалифицироваться как ограничительная форма.

Иной тип разделительных числительных представлен в южнотунгусских языках: орооч. *зудакти* 'на две части, ряда, слоя', ульч. *иландакти* 'на три части, ряда, слоя'. Относительно недавнее образование, видимо, сохраняющее связь с ульч., орок., нан. *дакан* = 'покрыть'.

В орокском, нанайском и маньчжурском языках разделительные числительные представлены ещё одной разновидностью: орок. *иласу* 'трёхрядный, трёхслойный', *зйсу* 'четырёхрядный, четырёхслойный', нан. *зуэрсу* 'двойной, двухслойный', ма. *зурсу* 'двойной, двухрядный'. Как совершенно справедливо отмечают авторы ССТМЯ [ССТМЯ, 1975, с. 277], эти формы образованы посредством сочетания количественных числительных с полнозначным словом *урсу* 'слой, ряд'.

Иной тип разделительных числительных представлен в ма. *дујугэ* 'четвёртый, четверной', оформленном тем же суффиксом, который встречался в ма. порядковых числительных. Данный разряд числительных в т.-ма. языках представляет интерес и требует дополнительных комментариев как в отношении значения, так и в отношении синтаксических свойств. Эвенские числительные с суффиксом *-рман / -рмэн* определяются В. И. Цинциус как умножительные [Цинциус, 1947, с. 127] и квалифицируются как обозначающие на сколько частей, рядов разделяется предмет. Частично соответствуют также русским прилагательным одинарный двойной, тройной и т. д. Требуемое уточнение касается того, что данные числительные имеют более общее значение, чем это предполагалось. По полевым данным, формы на *-рман / -рмэн* могут употребляться при обозначении деления предмета и на неравные по величине части (напр., куски мяса на неравные части) или большого количества единичных предметов (гвоздей, патронов, спичек и т. п.) на группы с неравным количеством предметов. С грамматической точки зрения эти числительные представляют собой разряд адъективно употребляемых форм числительных наряду с порядковыми числительными. Отмеченные выше формы с суффиксом творительного падежа *-зи* образованы так же, как образовано от прилагательных большое количество наречий в т.-ма. языках.

2.5. Распределительные числительные [Distributive numerals]

Распределительными числительными мы будем называть разряд числительных, обозначающих количество предметов в группах, на которые подразделяется множество считаемых предметов. При употреблении подобных числительных число групп предметов обычно не обозначается. Форма выражения распределительных числительных достаточно единообразна, например: эвенк. *илатал* 'по три', сол. *илатал*, *илатар* 'по три', эвен. *илатал*, *илатар* 'по три', нег. *зүтэл* 'по два', *тонүатал* 'по пять', орооч. *зүтэ* 'по

два', уд. *зүтэ* 'по два', *илата* 'по три', ульч. *зуэтэ* 'по два', орок. *илатал* 'по три', ма. *илата* 'по три', *дујтэ* 'по четыре, каждому по четыре'.

Суффикс распределительных числительных *-тал/-тэл*, очевидно, является составным. Один из его компонентов *-та/-тэ* является субстантивным или адъективным суффиксом (ср. бурят. *табата* 'пятёрка'). Суффикс *-л* может рассматриваться как показатель множественного числа. В пользу говорят два факта: 1) образование падежных форм от распределительных числительных в эвенском языке осуществляется по тому же образцу, что и от форм множественного числа именных форм, ср. эвен. *өмэтэлбу* (вин. п.) 'по одному', *зөтэлзу* (вин. п.) 'по два'; 2) в южнотунгусских языках, где формы мн. ч. имён образуются преимущественно при помощи суффикса *-сал/-сэл*, показатель *-л* в рассматриваемых формах отсутствует (за исключением орокского языка).

Другие формы образования распределительных числительных в т.-ма. языках таковы: нег. *тоннанзи* 'по пять', *наданзи* 'по семь', орок. *зүзи* 'по два', *иланзи* 'по три', уд. *зүзу* 'по два', ульч. *зүэлзи* 'по два' – не что иное, как формы творительного падежа от форм количественных числительных.

В орокском языке распределительные числительные с суффиксом *-тал* образуются не только от количественных числительных, но и от форм разделительных числительных: *иласутал* 'по три ряда', *зйсутэл* 'по четыре ряда', *хујусутэл* 'по девять рядов' и т. п.

Ещё один тип распределительных числительных, представленный не только в т.-ма., но и других алтайских языках – это повторение количественных числительных (редупликация): уд. *ила-ила* 'по три', ма. *илан-илан* 'по три'.

2.6. Ограничительные числительные [Restrictive numerals]

Ограничительные числительные представляют собой особую разновидность количественных числительных. В описательных грамматиках они обычно не выделяются как самостоятельный разряд числительных. Тем не менее имеются основания рассматривать данные формы отдельно от количественных числительных. В т.-ма. языках ограничительные числительные со значением 'только столько-то, не более чем столько-то' представлены следующими формами: эвенк. (орочоны) *илакән* 'только три', *дијикән* 'только четыре', сол. *эмүхэхэн* 'только один', *зүххэн* 'только два', эвен. *өмэккэн*, *өмкэкэн* 'только один', *зөкэкэр* 'только два', *илкакар* 'только три', нег. *зүјиккэн*, *зуккэн* 'только два', орок. *зуккэ* 'только двое', орок. *дурукэ* 'только два', нан. *зүэрукэ* 'только два', *иларака* 'только три'. В негидальском языке отмечена иная разновидность ограничительных числительных – формы типа *заккукзал* 'только восемь'.

Нет особых сомнений в том, что в формировании ограничительных числительных используются суффиксы уменьшительности *-кан/-кэн*, *-какан/-кэкэн* или *-чан/-чэн* с тем же значением.

Удэгейские формы типа *зү-т'э* 'только два', *ила-т'а* 'только три' образованы посредством слияния количественных числительных с частицей *-ткан/-ткэн*, *-такан/-тэкэн*, имеющей ограничительное значение.

Особая разновидность ограничительных числительных отмечена в орокском: *зү н'әққа* 'только два человека'. В других языках аналогичных форм не зафиксировано, хотя собирательные числительные для счёта людей, служащие производящей основой для числительных данного разряда, широко представлены по отдельным языкам.

Другой тип форм ограничительных числительных представлен эвенкийскими формами: *надагда* 'только семь', *јеуигдэ* 'только девять'. Суффикс *-гда/-гдэ* в эвенкийском языке отмечается в составе некоторых прилагательных, а также в виде части суффикса *-рагда*, образующего отдельный разряд числительных (см. далее).

В отдельных языках отмечены наряду с рассмотренными выше и ограничительные числительные с иным значением – 'не менее чем столько-то целых'. Это эвен.

зөкэжэн 'целых два', *тунуакајан* 'целых пять'. В эвенском языке противопоставление двух форм ограничительных числительных со значением 'только пять' и 'целых пять' реализуется также путём наличия у них дополнительных значений – 'столько-то больших предметов' и 'столько-то маленьких предметов': *зөкэјэл нөкэчэр* 'два лося', *зөкэкэр өликил* 'две белки', *тунуакајал бэйил* 'пять человек', *тунуакар нярикар* 'пять мальчиков' (при возможном и *зөкэкэр бэйил* 'только два человека').

Аналогичные формы существуют по крайней мере в диалектах эвенкийского языка: Брг *илахājāн* 'три больших предмета, целых три', *иланмијал* 'три больших предмета, целых три'. Суффикс *-хаја* тождественен эвенскому суффиксу с аналогичным значением, суффикс *-мијал* не имеет параллелей в известном материале, его конечный элемент можно идентифицировать с суффиксом множественного числа. Если суффиксы ограничительных числительных первого рода образовались с использованием уменьшительных суффиксов, то суффиксы ограничительных числительных второго рода находят очевидные аналогии в увеличительных суффиксах: ср. эвен. *зүкајā* 'домище', *оркајā* 'оленище'. Этот же суффикс может иметь также выделительную функцию.

Судя по всему, ограничительные числительные обоих родов представляют собой позднейшие образования, их морфологическая структура ещё достаточно прозрачна. Вместе с тем надо отметить, что изученные формы не могут рассматриваться как обычные увеличительные и уменьшительные формы количественных числительных, поскольку в других разрядах числительных для обозначения аналогичной оппозиции представлены иные суффиксы увеличительности и уменьшительности.

2.7. Собирательные числительные [Collective numerals]

Собирательные числительные в т.-ма. языках не представляют собой однородного разряда и включают в себя несколько различных форм, сосуществующих одновременно в одном и том же языке. Примеры собирательных числительных, используемых для счёта людей: эвенк. *јэгини* 'девять человек, девятеро, вдевятером', ороц. *зүри* 'двое', *илани* 'трое', *надани* 'семеро', сол. *зури* 'вдвоём', *илани* 'трое, втроём', эвен. *илнизур* 'втроём', *дыүнизур* 'вчетвером', нег. *илани*, *иланиуасал~илануасал* 'трое, втроём', ороц. *илан'ә* 'трое, три человека', уд. *илани*, *иланиңа* ^h *а* 'втроём, все трое', ульч. *иланни* 'втроём', орок. *иланне* 'трое', нан. *илани* 'три человека, втроём'.

Нет особых причин сомневаться в том, что в основе компонента собирательных числительных лежит однозначный в прошлом корень *ни-/не-* со значением 'человек', который сохранился с тем же значением в ороцком, удэгейском, ульчском языках. Его соответствия: эвенк. *ниравӣ* 'молодой мужчина', эвен. *н'әри* 'молодой парень, юноша', нан. *най* 'человек' являются, вероятно, морфологическими вариантами того же слова, имеющими единый корень, но различное суффиксальное оформление.

Вероятно, гомогенны с рассмотренными выше следующие формы собирательных числительных: ульч. *иланзири* 'трое', орок. *иланзәри* 'трое', нан. *иланзиари* 'трое'. Можно предполагать, что эти формы тождественны застывшим формам творительного падежа в безлично-притяжательной форме типа эвен. *илнизур* 'втроём'.

Как словообразовательные связи, так и грамматические характеристики рассмотренных выше числительных могут быть уточнены. В. И. Цинциус пишет, что собирательные числительные в эвенском языке «образуются с помощью суффикса *-ни*, причём последний обычно сопровождается суффиксом творительного падежа *-ди (-зи)* с возвратным суффиксом множественного числа *-ур*» [Цинциус, 1947, с. 127]. В публикации памятников эвенского фольклора отмечается, что «В эпосе охотских эвенов собирательные числительные могут употребляться без аффикса творительного падежа *-зур*, например, *диүни* 'четверо'. Формант *-зур* может также расчленяться вставкой уточнительных, усилительных и ограничительных аффиксов, придающих числительному дополнитель-

ные смысловые оттенки, как например, *диуникэнзур* 'вчетвером'» [Эпос, 1982, с. 292]. В этом примечании сразу несколько неточностей. Во-первых, формант типа *дигни* – формы именительного падежа собирательных числительных без притяжательного оформления – отсутствует во всех известных эвенских говорах и теми материалами, к которым относится данный комментарий, не подтверждается. Во-вторых, форма собирательных числительных с суффиксом *-кан* / *-кэн* для эвенского языка нетипична. В-третьих, сам по себе формант *-зур* не расчленяется, а лишь отделяется от основы числительного.

В эвенском языке собирательные числительные с основой типа *илни* =, *дигни* = имеют все падежные формы, кроме именительного (формы, типа приведённой в вышецитированном комментарии, не опознаются информантами). От этих числительных образуются увеличительные формы с суффиксом *-нза* / *-нзэ* и уменьшительные формы с суффиксом *-чан* / *-чэн*: *илнинзэзур* 'все втроём, трое – о ком-либо большом', *илничэнзур* 'только втроём, трое – о ком-либо маленьком, имеющем небольшие размеры'. Падежная парадигма у всех форм собирательных числительных является практически полной, но склоняются данные числительные в сочетании с притяжательными суффиксами единственного (а не множественного) числа. Примеры: *илинивэн*, *илнинзэвэн*, *илничэмэн* 'всех троих', *илнидун*, *илнинзэдун*, *илничэндун* 'всем троим', *илниткин*, *илнинзаткин*, *илничантакин* 'ко всем троим', *илнилан*, *илнинзалан*, *илничандулан* 'у всех троих', *илнигән*, *илнинзәүән*, *илничанған* 'для всех четверых' [Шарина, 1999, с. 40].

Как нетрудно заметить, ограничительные формы собирательных числительных образуются при помощи иных увеличительных и уменьшительных суффиксов, нежели ограничительные количественные числительные, что и даёт основание не признавать образование этих форм формообразованием внутри известных разрядов числительных, а выделять их в самостоятельные разряды числительных.

Из других форм собирательных числительных необходимо привести следующие: эвенк. *зүкрэ*, *зүксэ* Н, *зүкчэ* Е, *чүкту* И 'двое, вдвоём', нег. *иланиңасал* 'трое, втроём', уд. *иланиңа* ^h а 'втроём', ульч. илан *туңасар* 'трое, втроём', тун' *затуңасарзири* 'впятером', орок. *илатуна*, *илатунаса* 'трое, втроём'. Компонент *-наса* / *-насар* / *-на* может быть тождественным этимологически слову *гэсэ* 'вместе', на полиморфность которого указывает эвен. *гэли* 'вместе' (частица, в ряде говоров превратившаяся в падежный суффикс). Конечно *-р* в ульчском, возможно, аналогично суффиксу множественного числа (соответствие сонантов в целом по южнотунгусским языкам неупорядоченное – ср. ульч. *зуэл* 'два' вместо формы на *-р*).

В ороцком языке представлена разновидность ограничительных форм собирательных числительных: *иламиса* 'все трое', *дймде*, *дймисэ* 'все четверо'. В южнотунгусских языках представлены формы ограничительных собирательных числительных: ульч. *иланту*, нан. *иланто/у* 'все трое'. В орокском языке аналогичная форма послужила производящей основой для форм типа *илатуна*, *илатунаса* 'все трое'. В маньчжурском языке сосуществуют варианты форм собирательных числительных *зунафи* 'два человека', где *нофи* 'особа, человек'. Формы *сунзанофи* 'пять человек', *иланофи* 'три человека' отмечены и в сибирском диалекте [Захаров, 1875, с. 63] – явное позднее новообразование.

Формы собирательных числительных с суффиксом *-нту* могут быть гомогенными с севернотунгусскими числительными для счёта хозяйств (эвенк. *-нну*, эвен. *-нру*), в других языках параллели отсутствуют. Перенос значений в принципе возможен: три человека > «все три человека», «три человека > три хозяйства, семьи».

2.8. Числительные для счёта дней [Numerals for counting days]

Числительные для счёта дней или суток имеют единообразное оформление во всех языках, где они встречаются, однако фиксируются они далеко не во всех языках

(их нет в солонском, эвенском и маньчжурском языках). Примеры: эвенк. *илама~илалда~илалра* 'три дня', нег. *илала* 'три дня', *зулэ* 'два дня', орок. *илакта* 'три дня', ульч. *зуэлтэ* 'два дня', орок. *зилтэ* 'четыре дня', нан. *дуилтэ* 'четыре дня, четырёхдневка'. Само собой напрашивается сопоставление архетипа этого суффикса *-лта* с одним из собирательных суффиксов т.-ма. языков – *-лта*. Однако дистрибуция этого суффикса в именах существительных не совсем ясна для того, чтобы данное сопоставление было достаточно надёжным. Возможно, впрочем, думать об имевшем место сужении значения у этого суффикса в сочетании с основами-числительными.

Другие формы числительных для счёта дней в т.-ма. языках таковы: нег. *тонна-ниңасал* 'пять дней, пятидневка', орок. *зуба* 'двое суток' (здесь неясен статус второго компонента), *дймэ* 'четыре дня', *тунама* 'пять дней', *хужумэ* 'девять дней', уд. *н'уурэгдэ нэунни* 'шесть дней, шестидневка' (сочетание имени на *-рэгдэ* со словом «день»). Суффикс *-ма/-мэ* сходен с т.-ма. суффиксом прилагательных, однако это сходство может быть и случайным.

2.9. Числительные для счёта животных [Numerals for counting animals]

Числительные для счёта крупных копытных животных (олений, горных баранов, лосей) зафиксированы только в языках северной ветви тунгусской группы, причём не всех: их нет в солонском. Примеры: эвенк. *иланда, иланра* 'три оленя, лося', эвен. *илаура* 'три оленя, лося', нег. *илауна* 'три оленя, лося', *дйунэ* 'четыре оленя, лося'. С этими формами может сравниваться также орок. *тундарақ* 'только пять животных', где суффикс *-нда*, видимо, аналогичен рассматриваемому севернотунгусскому. Однако другие формы не отмечены, параллелей в южнотунгусских языках тоже нет. Видимо, этот разряд числительных объединял гетерогенные формы, так как для эвенского языка наряду с отмеченными выше присущи формы *туннад* 'пятёрка (животных)', *нюнэр* 'шесть животных' и *дяура* 'десятка' – форма, содержащая архаическую эвенкийского типа основу числительного «десять» [Цинциус, 1947, с. 128]. Второй компонент, очевидно, первоначально составного суффикса *-нда* идентифицируется с составной частью собирательных суффиксов *-нда/-лда*, рассматривавшихся в работах В. И. Цинциус и позднее О. П. Суника [Цинциус, 1946 ; Суник, 1982].

2.10. Числительные для счёта хозяйств [Numerals for counting households]

Числительные для счёта юрт, хозяйств, находящихся в одном месте, известны только в двух языках – эвенкийском и эвенском. Примеры: эвенк. *иланну, иланду, иларну* (явная метатеза) 'три юрты, три хозяйства', эвен. *илауру, иланду* 'три юрты, три хозяйства в одном месте', *зурпу* 'два хозяйства'. Как отмечает В. И. Цинциус, употребляются эти числительные крайне редко и известны далеко не всем эвенкам [Цинциус, 1947, с. 128]. Можно добавить, что в ольском говоре эвенского языка нами отмечено употребление словосочетания *заура зү* 'десять домов' – с той формой числительных, которая соответствует числительным для счёта животных. С некоторой гипотетичностью можно полагать, что суффикс этого разряда числительных восходит к слову *зү* 'дом'. Однако ещё не совсем ясно, в какой форме должен восстанавливаться общетунгусоманьчжурский или общесевернотунгусский архетип этого слова.

2.11. Числительные для счёта пальцев [Numerals for counting fingers]

Числительные для счёта пальцев как единиц измерения величины предмета зафиксированы только в южнотунгусских языках. Примеры: ульч. *иларгу(н)* 'три пальца', *дуиргу(н)* 'четыре пальца', орок. *дүниңги* 'два пальца', *зйниңги, зйниңгилэ* 'четыре паль-

ца', нан. *иларго/у* 'три пальца', *хујургу* 'девять пальцев'. Этимология форманта *-ргу* достаточно прозрачна: он восходит к полнозначному слову со значением 'палец' (ср. эвен. *хөрэгэн* 'большой палец'), хотя неясны причины изменения гласного в суффиксе.

Появление этого разряда связано со специфическими новообразованиями аналогичного типа, характерными для южнотунгусских языков, контактирующих с языками, имеющими системы нумеративов или суффиксов-классификаторов.

2.12. Числительные для счёта пар предметов [Numerals for counting pairs of objects]

Числительные для счёта пар предметов отмечены только в нанайском языке (при этом их нет в отдельных говорах, в кур-урмийском и языке хэчжэ (китайских нанайцев) они не отмечены). Примеры: *илазурсу* 'три пары', *тојунгәйзуэрсу* 'пять пар', *надазурсу* 'семь пар'. Вероятнее всего, формант *-зурсу* состоит из числительного *зуэр* 'два' и показателя разделительных числительных *-рсу*.

2.13. Числительные для счёта мест и направлений [Numerals for counting places and directions]

Числительные для счёта мест и направлений отмечены лишь в эвенкийском языке: *иланмуса* 'три места, три направления', *дигинмусэ* 'четыре места, четыре направления'. Можно только высказать предположение, что суффикс данного разряда восходит к какому-то полнозначному слову, подобно тому, как это имеет место в других случаях.

2.14. Числительные для счёта совокупностей разных предметов [Numerals for counting sets different objects]

Числительные для счёта разных предметов, обозначающие некие совокупности считаемых предметов с более или менее единообразным морфологическим оформлением, отмечены в большинстве языков – нет их только в солонском, ульчском, нанайском и маньчжурском языках. Однако имеющихся данных вполне достаточно для того, чтобы признать данный разряд числительных общетунгусским по крайней мере по древности. Примеры: эвенк. *иларагда* 'три предмета', *запкурагда* 'восемь предметов', эвен. *иларда* 'три предмета', *н'ууэрдэ* 'шесть предметов', нег. *тоунуарагда* 'пять предметов', *н'ууэрэгдэ* 'шесть предметов', орок. *иларагда* 'три предмета', уд. *зүрэгдэ* 'два предмета', орок. *зйрэгдэ* 'четвёрка (об оленьей упряжке)', *н'ууэрэгдэ* 'шестеро (о животных)', *надарагда* 'семь предметов'.

В орокском языке наряду с вышеприведенными формами встречаются также формы *дүрэк* 'пара (олений)', *зйрэк* 'вчетвером (об оленях)', *н'ууурэк* 'вшестером', *надарак* 'всемером'. Одно из таких образований с суффиксом *-рак* уже было отмечено при характеристике числительных для счёта животных. Суффикс *-рак* фонетически сходен с эвенским суффиксом *-раг / -нрэг*, имеющим значение 'только названный предмет, только предмет, обладающий определённым признаком' [Цинциус, 1947, с. 235]. Вполне возможно, что исходным значением этого суффикса было значение ограничительности, тогда, при отождествлении форм с *-рак* и *-рагда* (правда, остаётся открытым вопрос об истории эвенского суффикса *-раг*) второй компонент *-да* мог бы идентифицироваться с показателем собирательности и множественности. Возможно и членение форманта *-рагда* на *-ра* и *-гда* (формант *-ра* не может отождествляться с суффиксом кратных числительных, так как в последнем наличествует долгий гласный, а в рассматриваемом – краткий, подвергшийся синкопе в эвенском). Суффиксальный элемент *-гда* может отождествляться с именным суффиксом *-гда*, уже упоминавшимся выше.

Значение форм с суффиксом *-рагда* и их место среди разрядов числительных требует уточнений. Например, аналогичный разряд числительных в эвенском языке определён как «числительные собирательные для счёта копыльев нарт, патронов, названий игральные карт, числа очков в игре и т. д.» [Цинциус, 1947, с. 128]. При этом они переводятся так: *зэрдэ* 'двойка, двойчатка', *иларда* 'тройка, тройчатка'.

Данные числительные по своему значению не обнаруживают общего инварианта, объединяющего обозначаемые ими предметы по разряду, форме и т. п. Перед нами обычные существительные типа русских *двойка*, *тройка* (кальками с чего является употребление соответствующих эвенских форм для названия игральные карт). Следует иметь в виду также и то, что при употреблении в отношении к копыльям нарт данные формы числительных имеют весьма специфичные оттенки значения. Во-первых, подобные формы характеризуют не столько количество копыльев, сколько нарту в целом. Во-вторых, в разных говорах значения рассматриваемых форм могут оказаться различными. Например, в говоре эвенов пос. Иня Охотского района Хабаровского края формы *иларда*, *илардака* имеют значение 'нарта с шестью копыльями, тремя парами копыльев – оленья', *дигэрдэ*, *дигэрдэкэ* 'нарта с восемью копыльями, четырьмя парами копыльев – собачья', *туннардака* 'нарта с десятью копыльями, пятью парами копыльев – лошадиная', в то время как в говорах пос. Гижига Северо-Эвенского района и пос. Омолон Библибинского района Магаданской области аналогичные значения передаются соответственно формами *н'уэрдэ*, *запкарда* и *мя-рда*. Получается, что в инском говоре формы на *-рда* обозначают пары копыльев, а не единичные копылья нарты. Этнографическое объяснение этого довольно просто: счёт велся на детали дугокопыльной нарты, наименования разновидностей которой были перенесены на прямокопыльные нарты, при этом перенос наименований был уже чисто лингвистическим явлением, не имевшим под собой реальности в чисто количественном отношении, существование дугокопыльной нарты с тремя парами копыльев, видимо, невозможно.

В заключение данного раздела отметим, что формы на *-рагда* следует рассматривать как отнумеративные имена существительные. Едва ли их можно считать особым разрядом числительных.

2.15. Числительные для счёта лет животного [Numerals for counting animal age in years]

Числительные для счёта лет животного, употребляемые атрибутивно и субстантивно, отмечены только в эвенкийских диалектах и солонском языке: эвенк. *диуичи* 'четырёхлетний', *н'уучи* 'шестилетний', сол. *илати* 'трёхлетний'. Подобные формы мы уже рассматривали в связи с порядковыми числительными. В эвенкийских диалектах наряду с вышеприведенными формами отмечаются также формы с суффиксом прилагательных образования *-лкан*: *н'уулкэн* 'шестилетний' М, Сх, Тг, представляющие собой неологизм на уровне продуктивного словообразования (правда, применительно к классу имён числительных придётся говорить скорее о формообразовании, нежели о словообразовании).

В эвенкийских диалектах, испытавших на себе влияние монгольских языков, встречаются и другие обозначения возраста животных, типа *гунан* 'трёхлетний самец', *гуназин* 'трёхлетняя самка', однако они заимствованы из монгольских языков старой формации и не мотивированы собственно т.-ма. числительными. В лексической системе тех говоров, в которых они встречаются, они должны быть отнесены к прилагательным, так как собственно монгольские количественные числительные в этих говорах не заимствованы. То же относится и к эвенк. *эһун* 'олень-бык шести лет и старше' давно уже сравниваемому с корейским *йэсэт*, *йэт* 'шесть' *йэсын* 'шестилетний – о животных' [ССТМЯ, 1977, с. 471].

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что разряды числительных т.-ма. языков представляют собой совокупность групп форм, различающихся как по распределению в отдельных языках, так и по способу выражения одних и тех же значений в отдельных языках. Ряд форм являются древними, однако большая часть представляет собой довольно поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка в целом.

Ввиду ограниченности репертуара корней числительных и наличия многочисленных «пустых мест» в парадигмах словообразования разрядов числительных словообразование становится рядом с формообразованием, хотя в ряде случаев меняются синтаксические функции производных, и иногда наблюдаются формы со сложной морфологической структурой, образующиеся не только от количественных числительных, но и от числительных других разрядов. Собственно значение форм отдельных разрядов исключает их трактовку и как единой категории у числительных (в отличие от категории класса) и как совокупности частных категорий, противопоставляющихся исходной форме.

Можно сетовать, даже при получении новых результатов в описании отдельных форм, на недостаточность описаний отдельных языков и степень их подробности и детализованности. Так, орок. *дундатчи* 'лодка на четырёх гребцов' представляет собой единичную форму, которую можно рассматривать как прилагательное на *-чи* от какого-то собирательного числительного с суффиксом *-нда* от исходного *дуин* 'четыре'. Однако аналогичные формы, дававшие бы основания для сопоставления, отсутствуют и в орокском материале, и в материале других т.-ма. языков.

Список сокращений и условных обозначений

ма. – маньчжурский; монг. – монгольский; нан. – нанайский; нег. – негидальский; орок. – орокский, ороц. – ороцкий; п-мо – письменно-монгольский; сол. – солонский; т.-ма. – тунгуссо-маньчжурский; уд. – удгейский; ульч. – ульчский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский;

Бк – бикинский говор нанайского языка, Брг – баргузинский диалект эвенкийского языка; В-Л – верхоленский говор эвенкийского языка; Е – ербогачёнский диалект эвенкийского языка; И – илимпийский диалект эвенкийского языка; К-У – кур-урмийский говор нанайского языка; Н – непский диалект эвенкийского языка; П-Т – подкаменно-тунгусский диалект эвенкийского языка; Тк – токкинский говор эвенкийского языка; Тмт – томмотский говор эвенкийского языка; Урм – урмийский говор эвенкийского языка; Члм – чультманский говор эвенкийского языка.

Список литературы

- Бурькин, 1986 – Бурькин А. А. К изучению имен числительных в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тез. докладов XXIX сессии постоянной Междунар. Алтаистической конф. (PIAC). Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч. II : Лингвистика. М., 1986. С. 29–31.
- Бурькин, 2015 – Бурькин А. А. Монгольские числительные в перспективе алтаистики (новый опыт интерпретации) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Ч. I. Элиста : КИГИ РАН, 2015. С. 113–120.
- Дыбо, <https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf> – Дыбо А. В. Ассимиляция и аккомодация гласных в сингармонистических потомках досингармонистического языка: рефлексация одной вокалической структуры в тунгусо-маньчжурском URL : <https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf>.
- Захаров, 1875 – Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. 1232 с.
- Котвич, 1962 – Котвич В. Исследование по алтайским языкам. = *Studia nad językami altajskimi* / ред. Н. А. Баскаков, пер. с пол. А. И. Толкачева. М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. 351 с.

- Поппе, 1931 – Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1931. 148 с.
- Сравнительно-историческая грамматика..., 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1988. 560 с.
- Суник, 1958 а – Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л. : Учпедгиз, 1958. 208 с.
- Суник, 1958 б – Суник О. П. О языке зарубежных нанайцев // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. XI. М., 1958. С. 157–185.
- Суник, 1982 – Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: в сравнении с другими алтайскими языками. Л. : Наука, 1982. 242 с.
- Цинциус, 1946 – Цинциус В. И. Множественное число имен в тунгусо-маньчжурских языках // Уч. Зап. ЛГУ. Сер. филологических наук. 1946. Вып. 10, № 69. С. 73–119.
- Цинциус, 1947 – Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л. : Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Цинциус, 1949 – Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л. : Учпедгиз, 1949. 342 с.
- Шарина, 1999 – Шарина С. И. Категория количественности в эвенском языке. СПб. : Изд-во С-Петербург. ун-та, 1999. 144 с.
- Benzing, 1955 – Benzing J. Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955. VIII + 254 S.
- Blazek, 1999 – Blazek W. Altaic numerals. For Karl H. Menges to his 90th birthday (April 22, 1998). Numerals: Comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages / Ed. by V. Blazek. Brno : Masarykova Univerzita. P. 102–140.
- Poppe, 1960 – Poppe N. N. Vergleichende Grammatik der Alnaiachen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 S.
- Kotwicz, 1931 – Kotwicz W. Les Contributions aux études altaïques. II (Les noms de nombre). RO, VII. Krakow, 1931.

UDC 811.512.2

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68

Alexis A. Burykin

**Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation**

Sardana I. Sharina

**Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
Yakutsk, Russian Federation**

sarshar@mail.ru

Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages

Abstract

The article discusses the reconstruction of the archetype of cardinal numbers, word formation of the categories of numbers in the Tungus-Manchu languages. Based on the available data on languages, 15 categories are analyzed: cardinal, ordinal, multiples, dividing, distributive, restrictive, collective, numerals for counting days, numerals for counting animals, numerals for counting households, numerals for counting fingers, numerals for counting pairs of objects, numerals for counting places and directions, numerals for counting various objects, numerals for counting the years of an animal. It turns out that certain forms are ancient, but most of them were

formed later and were characteristic only for a certain group, subgroup or one language. Word-building patterns of numerals are connected with form-changing patterns, although in a number of cases syntactic functions of derivatives change, and sometimes we can observe forms with complex morphological structure, derived not only from cardinal numerals but also from numerals of other categories.

Keywords: Tungus-Manchu languages, word formation, numerals, archetype reconstruction, numeral categories.

© Burykin A. A., Sharina S. I. 2021

For citation: Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021). Slovoobrazovanie imen chislitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 52–68. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68.

References

- Burykin, A. A. (1986). K izucheniyu imen chislitel'nykh v altayskikh yazykakh [To the study of the names of numerals in the Altai languages]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altayskoy yazykovoy obshchnosti: tez. dokladov XXIX sessii postoyannoy Mezhdunar. Altaisticheskoy konf. (PIAC). Tashkent, sentyabr' 1986 g. Ch. II : Lingvistika* [Historical and cultural contacts of the peoples of the Altai linguistic community: Abstracts of the XXIX session of the permanent Intern. Altaistic Conf. (PIAC), Tashkent, September 1986. Part II. Linguistics] (pp. 29–31). Moscow.
- Burykin, A. A. (2015). [Mongolian numerals in the perspective of Altaistics (new interpretation experience)] // [Mongolian studies at the beginning of the XXI century: current state and development prospects]: Proc. of the International Scientific Conf. dedicated to the 100th anniversary of B. Kh. Todaeva (Elista, April 23–26, 2015.). (Part I, pp. 113-120). Elista : KIGI RAN Press. P.
- Dybo, A. V. *Assimilyatsiya i akkomodatsiya glasnykh v singlarmonisticheskikh potomkakh dosingarmonisticheskogo yazyka: refleksatsiya odnoy vokalicheskoy struktury v tunguso-man'chzhurskom* [Assimilation and accommodation of vowels in the syngarmonic descendants of the dosingarmonic language: reflexion of one vocal structure in the Tungus-Manchu language]. Retrieved from <<https://altaica.ru/LIBRARY/tmanvowels.pdf>>.
- Zakharov, I. I. (1875). *Polnyy man'chzhursko-russkiy slovar'* [Complete Manchu-Russian Dictionary]. St Petersburg.
- Kotwicz, W. (1962). *Issledovanie po altayskim yazykam* [Studia nad językami ąłtajskimi]. Ed. by O. N. Baskakov, translated from Polish by A. I. Tolkacheva. Moscow : Inostrannaya literatura Press.
- Poppe, N. N. (1931). *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1988). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology]. Moscow : Nauka Press.
- Sunik, O. P. (1958 a). *Kur-urmiyskiy dialekt. Issledovaniya i materialy po nananykomu yazyku* [Kur-Urmian dialect. Research and materials on the Nanai language]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
- Sunik, O. P. (1958 b). O yazyke zarubezhnykh nanaytsev [On the language of foreign Nanai]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Reports of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences] (Vol. XI, pp. 157–185). Moscow.
- Sunik, O. P. (1982). *Sushchestvitel'noe v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: v sravnenii s drugimi altayskimi yazykami* [Noun in Tungus-Manchu languages: Compared with other Altaic languages]. Leningrad : Nauka Press.
- Tsintsius, V. I. (1946). Mnozhestvennoe chislo imen v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [The plural of names in the Tungus-Manchu languages]. *Uch. Zap. LGU. Ser. filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 10 (69), 73–119.

- Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
- Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
- Sharina, S. I. (1999). *Kategoriya kolichestvennosti v evenskom yazyke* [The category of quantity in the Even language]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Benzing, J. (1955). *Lamutische Grammatik*. Wiesbaden.
- Blazek, W. (1999). Altaic numerals. For Karl H. Menges to his 90th birthday (April 22, 1998). In V. Blazek (Ed.), *Numerals: Comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages* (pp. 102–140). Brno : Masarykova Univerzita.
- Poppe, N. N. (1960). *Vergleichende Grammatik der Altnaiachen Sprachen*. Wiesbaden, 1960. 188 S.
- Kotwicz, W. (1931). Les Contributions aux études altaïques. *Rocznik Orientalistyczny*, (Vol. VII (1929–1930), pp. 152–221).